

This paper examines the understanding of M. Chizhov sources of law, its origin and the factors that influence its origin. In this study, the author examines the views on the origin of the source of law and the formation of the sources of law in terms of the different legal schools, and various scholars and thinkers.

Стаття надійшла до редколегії 24.09.2014

УДК 340.1

*Попсуєнко Л. А., НУ «ОЮА»
Шевчук-Белая Я. В., НУ «ОЮА»*

ПРАВО И РЕЛИГИЯ В ВИЗАНТИИ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Особого внимания заслуживает исследование истории византийского права как сложного по своему составу и происхождению комплекса юридических норм и систем, сосуществовавших, взаимодействовавших, но нередко и взаимоисключавших одна другую. Основу этого комплекса составляла обширная сфера норм писаного официального права, унаследованного в значительной своей части от Римской империи, но переработанного и пересмотренного в ходе кодификационных работ византийскими юристами и явно испытывавшего воздействие традиций и обычаев местного эллинистического, а также норм церковного, канонического права.

Исследование вопросов соотношения права и религии в литературе варьируется от утверждений об их неразрывной связи, к рассмотрению этого воздействия исключительно как исторического прошлого права [См., напр., 5]. В контексте указанного особого внимания заслуживает исследование именно истории византийского права как сложного по своему составу и происхождению комплекса юридических норм и систем, сосуществовавших, взаимодействовавших, но нередко и взаимоисключавших одна другую. Основу этого комплекса составляла обширная сфера норм писаного официального права, унаследованного в значительной своей части от Римской империи, но переработанного и пересмотренного в ходе кодификационных работ византийскими юристами и явно испытывавшего воздействие традиций и обычаев местного эллинистического, а также норм церковного, канонического права.

Однако, здесь следует оговориться, потому что, как утверждает А. Величко в своих исследованиях, термин «византийское право»

является не вполне корректным, хотя и будет применяться в дальнейшем. И дело даже не в том, что такого государства как «Византия» никогда не существовало, и оно до последнего дня своего существования гордого именовало себя Священной Римской империей. А в том, что Римское (Византийское) государство начинало свое существование с создания удивительного и беспрецедентного феномена – римского права, и с ним оно закончило свои дни [4, с. 15].

Иногда право Византии именуют «греко-римским» – термин столь же условный, как и «византийское право». Ни по этническому признаку – в Восточной империи проживало очень мало выходцев из Италии, ни по существу, т.к. понятие «греческое право» науке вообще неизвестно [4, с. 16].

По многим своим внешним признакам право Византии являлось модифицированным римским правом или, вернее сказать, римским правом в эпоху христианской Империи.

Научные проблемы относительно познания категории «византийского права» неразрывно связаны с объективно существующей потребностью современных историков, правоведов, философов, культурологов и специалистов другого профиля изучать именно правовое наследие Византии как важный источник ее общественно-политической идеологии и правового и религиозного сознания социума [2, с. 206].

Так, или иначе вопросы, связанные с изучением византийского права и его соотношение с религией исследовались в разное время выдающимися отечественными и зарубежными учеными.

Весь массив литературы, касающийся данной проблематики условно можно разделить на две группы: 1) первоисточники; 2) научные исследования в области истории и права, прежде всего, романистики и византистики.

Кроме того, источники изучения раннего христианства также следует разделить на две большие группы: христианские и нехристианские.

К христианским источникам в контексте исследования этой проблематики следует отнести произведения апологетов и отцов церкви и каноны Вселенских Соборов. Сюда относятся произведения Сократа Схоластика, Евсевия Кесарийского, Сульпиция Севера, Феодорита и др.

Нехристианские источники состоят из юридических источников, а также трудов древних (римских и византийских) правоведов, романистов и византистов более поздних времен, которые, так или иначе, касались этого вопроса.

Достаточно ярко соотношение права и религии, соответственно права светского и церковного наблюдается в целом ряде римско-византийских источников. Среди них важное место занимает Кодекс Феодосия.

Кодекс Феодосия был составлен в правление Феодосия II Младшего (408-450). Работа по его созданию началась в 435 году и завершилась в феврале 438 года. 15 февраля 438 года Кодекс вступил в силу в Восточной Римской империи, а с 1 января 439 года – во всей империи. Кодекс состоит из 16-ти книг (*libri*). Уникальность Кодекса представляет шестнадцатая книга: «Об универсальной или католической церкви». Здесь вопросы религии являются основными, они впервые сознательно отделены от других и составляют целый комплекс правовых норм – религиозных по своему характеру и содержанию, при этом, все они связаны с организацией и деятельностью одной религии и одного религиозного объединения: христианской религии и христианской церкви.

Масштабная кодификация права была проведена Юстинианом I (527-565). В *Corpus Juris Civilis* церковным вопросам посвящены первые 13 титулов первой книги Кодекса (*Codex*) – собрание императорских конституций, начиная с постановлений императора Адриана и до Юстиниана. Первая из 12 книг Кодекса относится к церковному праву и прав и обязанностей государственных служащих. Первые 13 титулов первой книги содержат в себе исключительно церковное законодательство [6, с. 8].

Влияние христианской религии ощущается в таких выдающихся правовых сборниках Византии, которые одновременно выступают «очисткой старого права», изложенного в Своде законов Юстиниана, как Эклога, Эпанагога, Прохирон, Василики и др.

Проблемам византийского законодательства вообще, и церковного законодательства в частности, уделяли внимание такие западные правоведы как Д. Зимон, М. Феген, Д. Локин, А. Шминк и др.

О состоянии исследования собственно римско-византийского права, следует отметить, что длительное время советские юристы были как бы сторонними наблюдателями по проблемам, которые волновали мировую романистику. За некоторыми исключениями их задел в этой области ограничивался изданием учебников и учебно-методических пособий, перечень которых был крайне незначительным. Ситуация заметно изменилась после провозглашения перестройки, когда ценности и категории частного права начали восстанавливаться на высшем уровне. Выдаются фрагменты Дигест Юстиниана, перевод которых совершил еще в 50-х гг. известный со-

ветский романист И. Перетерский, появляется ряд новых учебников, научных публикаций по вопросам римского права.

Что касается отечественной историко-правовой науки, то в Украине заметный рост интереса к изучению истории римского права и истории государства и права Византии имеет место уже в конце девяностых годов прошлого века.

В это время выходят в свет несколько монографий, где, среди прочих вопросов, рассматривается становление византийской системы права. Однако предметом исследования здесь является общее развитие традиции частного права в Европе и, в том числе, в Византии. Это, с одной стороны, расширяет хронологические и географические рамки научных исследований, которые во времени охватывают период от возникновения Восточной Римской империи до ее упадка и падения, в пространстве – всю Восточную Европу, с другой – сужает их объект, поскольку речь идет не о всей системе византийского права в целом, а лишь о такой его части, как частное (гражданское) право.

Среди работ более общего характера следует назвать учебник известного русского романиста и византиниста Д. Азаревича, где охарактеризован ход развития этой системы права более чем за полтора тысячелетия. Стоит также упомянуть аналогичное детальное исследование известного византиниста Захария фон Лингенталя.

К сожалению, вопросами византийского права вообще и, в незначительной степени, церковного законодательства также занимались Е. Липшиц и И. Медведев.

В настоящее время интерес к изучению церковно-государственных отношений в Византийском государстве значительно вырос. Их не обходят вниманием ни современные историки церкви (протоиерей В. Асмус, А. Дворкин), ни правоведа (А. Рудоквас, А. Новиков, А. Муравьев). На сегодняшний день переиздаются работы, которые впервые увидели свет на русском языке, но на Западе (А. Карташев, А. Шмеман). Наконец, появились монографии, целиком посвященные вопросам взаимодействия как светской и духовной власти, так права и религии в Византии (А. Николин, А. Величко).

Тем не менее, несмотря на широкий интерес к теме и обширную библиографию, проблемы соотношения права и религии в Византии нельзя считать до конца раскрытой и хорошо изученной. Поэтому сделаем попытку восстановить этот пробел.

Специфической чертой византийского права признана преобладающая роль в нем религиозного начала. Прежде всего, это выражалось в широком распространении и всеохватном значении канонического права. Светское право Византии постоянно испытывало прямое и опо-

средованное влияние религиозно-этических норм канонического права. Отсутствие принципиального, с точки зрения средневековой юриспруденции, отличия между светскими законами и церковными канонами является важнейшей предпосылкой их признания в качестве неотъемлемой части византийского права. С этих позиций каноны, в отличие от установлений светского законодательства, рассматривают как форму правил, действующих на основе религиозной веры и убеждений [9, с. 12].

В целом, идеология Византийской империи покоилась на двух мощных основаниях: во-первых, византийцы считали свое государство непосредственно Римской империей, а себя называли ромеями, вторым же основанием было православие [11, с. 128 – 129].

С самого начала христианство как идеология покоится на трояком основании: это – чрезвычайно напряженное переживание христианства как смыслообразующего начала жизни каждого жителя империи, принцип соборности, как принцип различения подлинного верования от заблуждения (что в плане смыслообразования жизни для каждого человека, оказывалось чрезвычайно важным) и противостояния церковной и государственной властей.

Христианство, а впоследствии – православие существовало в Византии в уникальных условиях. Сказать, что население империи было верующим, даже истово верующим, будет не точно и во многих отношениях просто ошибочным. Сегодня мы вкладываем в понятие «верующий» совершенно иной смысл – результат иного национального характера и иного исторического пути [Там же].

В роли организующего всю человеческую жизнь начала оказывается христианство в Византии. Народные массы «не переставали чрезвычайно живо интересоваться догматикой, вкладывая в эти формулировки какие-то собственные ассоциации (логику которых подчас трудно реконструировать). С точки зрения элиты, интерес христианских масс к теоретико-богословским вопросам был даже чересчур велик, опасно велик, и ему неплохо было бы поставить пределы. Воззрения элиты выражены в известной жалобе Григория Нисского на то, что невозможно стало купить хлеба или искупаться в банях, не услышав от булочника или банщика рацеи о соотношении ипостасей Отца и Сына» [1, с. 42-77].

Еще древние римляне четко разделяли государство и религию, право и мораль. Более того, как считали сами римляне, вначале возникло Римское государство, *Res publica*, а затем уже религия. Римляне изначально полагали различие между двумя противоположностями – *fas* или религиозными нормами, и *jus* – человеческим установлением, или законом в собственном смысле слова [3, с. 7].

Духовная жизнь в Византии носила сложный, противоречивый характер, сочетая в себе черты античной культуры и христианское миропонимание, что отразилось на особенностях развития византийского права. Империя сохранила непрерывность экономических, политических и культурных традиций античного мира после падения Западной Римской империи и явилась сплавом античности и христианства, а также культур различных народов, населявших империю.

В Византии христианство приобрело законченную форму в ортодоксальной православной версии [7, с. 16].

С появлением христианства, т.е. после столкновения Запада и Востока, произошло чудо. Две противоположности, две крайние разности сошлись, чтобы родить нечто новое – христианскую «Византийскую» империю и

«византийское» право. Западно-имперское «translation imperia» («трансляция власти») примирилось с восточно-духовным «translation confessions» («трансляцией веры»), а римское право включило в себя, допустив в самую сердцевину, христианскую этику. Актуальным стало уже

не древнеримское «одно государство, одна религия, один закон», а христианское «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Эф. 4, 5, 6).

Имперские языческие формы нашли свое высшее предназначение, всемирное владычество Рима оправдалось в христианстве, которому оно проложило путь. С другой стороны, без централизующего языческого Рима не возникла бы и Византия, как перерожденная Христом Римская империя.

Итак, благодать вовсе не отрицает закона, а Царство Небесное – Римской империи. А потому они примиряются, причем право не только ограждает христиан от грешников и греха, но и носит в себе семена Божественной справедливости. Право не только внешним образом судит человека и общество, но и воспитывает его, оно является защитником личного и общественного благочестия. Право и нравственность сливаются в неслиянном и нераздельном органическом единстве, не утрачивая при том своей самости и сущности.

Закон несколько не противоречит вере. Тот факт, что все без исключения вопросы Вселенских Соборов и постановления других Соборов о вере издавались в форме императорских законов, лишь подчеркивает важность этой формы защиты Православия [7, с. 12].

Так, получив наиболее полное воплощение в четырехчастном своде Юстиниана в VI в. (*Corpus Iuris Civilis*), церковное право сохраняло свое значение не только на всем протяжении истории Византийского

государства, но и в позднейшие времена. Наиболее разработанным при этом было частное, или гражданское, право. Громоздкое, составленное по преимуществу на малодоступном для большей части населения империи латинском языке, отягощенное к тому же грузом вышедших из употребления правовых норм, Юстинианово законодательство имело ограниченное применение в юридической практике.

Поэтому уже при жизни Юстиниана антецессоры создали ряд кратких пособий к огромному своду на греческом языке (парафраз, толкований, этимологических и других разъяснений), игравших гораздо более важную роль в правовой жизни Византии, чем свод самого Юстиниана. Позднее на основе всей этой предварительной работы были созданы первые краткие законодательные своды на греческом языке, среди них исаврийская Эклога VIII в. с ее попыткой корректировки Юстиниановых законов в сторону приспособления их к нуждам эпохи, отказа от юридического формализма, в сторону «большей человечности», с особым вниманием к разработке уголовного права. Будучи дополнена специальным приложением, официальный характер которого, впрочем, подвергается сомнению, Эклога сыграла большую роль в дальнейшем развитии византийского права, послужив базой для целого ряда ее частных переработок и официальных законодательных сборников (Исагога; Прохирон) [8, с. 1].

Гражданское законодательство наряду с обычным правом причисляется к главным источникам церковного права. В этой связи остается лишь подчеркнуть, что Законодательство Юстиниана, как и древнеримское гражданское право, кодифицированное в Дигестах и Институциях, не утратили своего значения для церкви и потому многие церковно-канонические сборники включают различные извлечения из тех или иных частей корпуса законов названного императора [9, с.47-48].

Как утверждает И. Медведев в своем исследовании, церковное право, как фактически разновидность официального имперского права – совокупность норм, обладавших силой закона и определявших организацию церкви, ее внутреннее устройство, отношения между церковью и государством, а также между церковью и частными лицами – мирянами. Особенно сильно было влияние церковного законодательства в области частного семейного права, осуществляемое через наиболее массовый и демократический вид византийского суда – епископский суд.

Если присовокупить сюда текущее законо- и нормотворчество, развивавшееся по пути издания императорских указов-новелл,

различного рода частных, но признававшихся государством юридических компиляций, а также обширную сферу обычного права, включавшую в себя идущие из глубины веков обычаи народностей, населяющих Византию, и новые институты средневекового квази-феодалного права, не отраженные в официальном имперском законодательстве, то мы увидим, что в Византии действовал некий «юридический плюрализм» как сосуществование и взаимодействие многих правовых систем различного происхождения, адекватно отражавший сложную социальную и политическую обстановку в империи [8, с. 2].

Однако детальный анализ такого взаимодействия может быть предметом самостоятельного научного исследования.

Таким образом, право в Византии мыслится лишь при условии сохранения органического единства всех составляющих сегментов.

Божественная справедливость является единственным нравственным источником закона, имеющим всемирное значение в границах вселенской Римской империи, а Римский император выступает высшим гарантом этой гармонии. При исключении одного из этих элементов вся органичная конструкция немедленно рухнет – византийская идея права немислима без христианской религии, как это было продемонстрировано в исследовании [3, с. 44].

Библиографический список:

1. Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли. / Культура Византии IV – первой половины VII в. – М., 1984. – С. 42 – 77.
2. Вин Ю.Я., Гриднева А.Ю. Правовое наследие Византии и новые перспективы его информационного исследования: База данных «Византийское право» // Византийский Временник. – Т. 63 (88). – М. : НАУКА. – 2004. – С. 206 – 226 – 343 с.
3. Величко А.М. Христианство и социальный идеал (философия, право, социология индустриальной культуры); под ред. В.П. Сальникова. – СПб ; М. : СПб. Ун-т МВД России, 2000. – 554 с.
4. Величко А.М. Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2011. – №1. – С. 15 – 24
5. Вовк Д.О. Право і релігія: загальнотеоретичні проблеми співвідношення: монографія. – Харків : Право, 2009. – 224 с.
6. Костогрызова Л.Ю. Эволюция церковно-государственных отношений в Византии в законодательстве императоров IV – нач. X вв. : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007.
7. Левко-Ринардато П.С. Византийская философия: генезис и особенности развития. – Таганрог : Изд-во «Ньюанс», 2012. – 138 с.
8. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. – СПб., 2001.

9. Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб., 2002.
10. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. – М. : НОРМА, 2002. – 416 с.
11. Шевцов С.П. Византия: православие и правосознание / Докла. Вип. 4. Зб. наук. праць з філософії та філології. – Одеса, ОНУ, 2003. – С. 128–137.

На особливу увагу заслуговує дослідження історії візантійського права як складного за своїм складом і походженням комплексу юридичних норм і систем, які співіснували, взаємодіяли, але нерідко і взаємно виключали одна одну. Основу цього комплексу становила осяжна сфера норм писаного офіційного права, успадкованого у своїй частині від Римської імперії, але переробленого і переглянутого в ході кодифікаційних робіт візантійськими юристами, що зазнало впливу традицій і звичаїв місцевого елліністичного, а також норм церковного, канонічного права.

Special attention should study the history of Byzantine law as complex in its composition and origin of the complex legal rules and systems coexist interact but often mutually one another. The basis of this complex is a vast scope of the rules of written formal law, inherited a large part of the Roman Empire, but refined and revised during the codification work Byzantine lawyers and explicitly test the effect of the local customs and traditions of the Hellenistic and the norms of the Church, canon law.

Стаття надійшла до редколегії 24.09.2014